

О. Е. Рубинчик

Санкт-Петербург, Россия

**«РЯДОВАЯ» «АРМИИ» ЧАРЛИ ЧАПЛИНА:
О ЛЮБОВИ ДАВЫДОВНЕ БОЛЬШИНЦОВОЙ ***

Впервые подробно рассказывается о переводчице Любви Большинцовой (в девичестве Фейнберг, 1903–1983), жене знаменитого переводчика и стиховеда Валентина Стенича, расстрелянного в 1938 году, затем – кинодраматурга Мануэля Большинцова. Любовь Давыдовна имела право сказать о себе, когда умер Чарли Чаплин: «Я была рядовой той армии, которой он был генералом» (свидетельство А. Г. Наймана). Она была незаурядной личностью с незаурядной судьбой. Перевела на русский язык пьесы Л. Хеллман, М. Меттерлинка, Ж.-П. Сартра, Ж. Ануя, Б. Брехта и др. Рассказывается также о многолетней дружбе Большинцовой с Анной Ахматовой. Публикуются некоторые неизвестные документы из архива Большинцовой и устные свидетельства.

Ключевые слова: Любовь Большинцова, Валентин Стенич, Мануэль Большинцов, Анна Ахматова, сталинские репрессии, перевод, драматургия.

Любовь Давыдовна Большинцова (в девичестве Фейнберг, 1903–1983) – переводчица. Жена стиховеда и переводчика В. О. Стенича (1897/1898–1938), затем – кинодраматурга М. В. Большинцова (1902–1954). Эта справка дает о Любви Давыдовне весьма условное представление и может вызывать вопросы.

Начну с года рождения. В разных источниках, упоминающих о Любви Давыдовне, год разный: 1903, 1904, 1907, 1908.

С фамилией тоже все непросто. В девичестве – Файнберг, как обычно указывают, или Фейнберг? А впоследствии – Большинцова? Стенич? Стенич-Большинцова? Большинцова-Стенич? В воспоминаниях о ней встречаются все эти варианты. А в документе 1959 года об утверждении комиссии по литературному

* За разрешение пользоваться материалами из архива Л. Д. Большинцовой и за помощь в работе моя сердечная благодарность племяннику и племяннице Л. Д. Большинцовой – Давиду Людвиговичу Файнбергу и Марии Вениаминовне Бутрим. За предоставление материалов благодарю также П. М. Нерлера.

Рубинчик Ольга Ефимовна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (пер. Джамбула, 13, Санкт-Петербург, 191180, Россия, rubinchik_olga@mail.ru)

наследию «Сметанича-Стенича В. О.» Любовь Давыдовна в качестве представителя семьи названа «Большинцова-Сметанич Л. Д.»¹.

Принято считать, что ее первым мужем был Стенич, но и тут нас ожидает сюрприз. Приведу новеллу М. В. Ардова:

В записных книжках Ахматовой встречается великое множество имен. Но среди таких, как Нина, Ира, Толя, Лида и пр., то и дело мелькает одно уменьшительное – Любочка. Именно так все друзья называли Любовь Давыдовну Стенич (по последнему мужу – Большинцову).

Мой отец познакомился с нею в конце двадцатых годов. В то время она была замужем за каким-то ленинградским инженером, но у нее уже был роман с Валентином Осиповичем Стеничем, личностью легендарной. Он дружил с Зоценкой, а у того тоже была связь с замужней дамой, женою некоего крупье по фамилии Островский.

И вот Ардов вспоминал, что у Стенича и Зоценки была такая игра. Михаил Михайлович начинал:

– Нет, Валя, все-таки наш муж лучше...

– Не скажите, – откликнулся Стенич, – у нашего все же приличная профессия – инженер. А у вас, стыдно сказать, – крупье...

– А характер? – не сдавался Зоценко. – Наш никогда не скандалит, не то что ваш...

Ну и далее в том же роде...

Впоследствии Любовь Давыдовна с этим инженером развелась и вышла замуж за Стенича. <...>

Во все годы, что я ее помню, жизнь у Любви Давыдовны была нелегкая. Она зарабатывала себе на жизнь переводами с английского и французского. Главным образом это были какие-то пьесы, но их почти никогда на сцене не ставили. Мой отец пытался помогать Любочке, доставал для нее работу, однако это удавалось крайне редко.

В конце концов Ардов взялся помочь ей с оформлением пенсии, но тут возникло непредвиденное препятствие. Будучи дамой весьма кокетливой, Любовь Давыдовна тщательно скрывала свой возраст, и в паспорте у нее было сделано соответствующее исправление. В результате пенсия оказалась значительно меньше той, что ей полагалась на самом деле.

В семидесятых годах Л. К. Чуковская готовила к публикации «Записки об Анне Ахматовой». <...> она снабдила свой труд подробнейшими примечаниями. И тут ей понадобилось указать год рождения Любви Давыдовны. Далее я приведу рассказ самой Любочки, она говорила:

– Мне позвонила Лида Чуковская и спросила: сколько вам лет? Якобы ей это нужно для комментария... Но фиг я ей это скажу!..

И слово свое Любовь Давыдовна сдержала: я могу засвидетельствовать, что в «Записках об Анне Ахматовой» год рождения Стенич-Большинцовой указан неверно [1, с. 68–71].

Действительно, у Чуковской указан наиболее поздний вариант: 1908 год.

А вот что сообщает племянник Любви Давыдовны Д. Л. Файнберг: «Любовь Давыдовна родилась в 1903 году в г. Воронеже, в семье служащего банка. Отец – Фейнберг Давид Ильич (позднее – директор отделения Петроградского международного коммерческого банка), мать – Фейнберг (в девичестве Шереметьева) Клавдия Ивановна². Поэтому удалось в детстве получить воспитание не на дво-

¹ Здесь и далее публикуются документы из архива Л. Д. Большинцовой, ныне хранящегося у Д. Л. Файнберга.

² Клавдия Ивановна была не из графов Шереметьевых. Она принадлежала к воронежской дворянской ветви Шереметьевых. Ее отец был полковником царской армии, военкомом Воронежа. Когда Клавдия Ивановна познакомилась с Фейнбергом, ее семья отвергну-

ровой улице, как нам. С детства Любовь Давыдовна знала несколько языков, но лучший был немецкий. Позднее окончила курсы переводчиков. В паспорте переделала 3 на 8 и никогда не любила на эту тему говорить, тем более – хлопотать о пенсии»³. Фамилия Любви Давыдовны была Фейнберг. Давид Людвигович изменил свою фамилию на Файнберг «ради благозвучности».

Чуковская пишет о Любви Давыдовне: «В моем (и не только в моем) сознании осталась навсегда вдовой Стенича...» [2, т. 2, с. 638]. Валентин Осипович Стенич (подлинная фамилия – Сметанич), в блестящих переводах которого русский читатель знакомился с Джойсом⁴, Дос Пассосом, Фолкнером, Шервудом Андерсоном и др., – мистификатор, примерявший на себя разные маски, из-за чего многое в его биографии и личности неясно до сих пор⁵; герой (или антигерой) статьи А. А. Блока «Русские денди»; поэт, воспевавший революцию, а затем высмеивавший ее. Начиная с 1920 года неоднократно подвергался аресту. С таким человеком связала свою судьбу Любовь Давыдовна.

В годы нэпа она была замужем за инженером Френкелем. В это время ставить штамп в паспорте не было необходимости, так что фамилию «Френкель» она не носила. Френкель (имя и отчество которого неизвестны), по словам М. В. Бутрим, «был крупный бизнесмен» (по словам Д. Л. Файнберга – «нэпман»), благодаря чему в их доме в трудные годы «всего было вдоволь»⁶. Они жили в Москве, а по окончании этого периода переехали в Ленинград.

Отношения Любви Давыдовны со Стеничем, по-видимому, берут свое начало в 1928 году (она говорила, что прожила с ним 9 лет). Впрочем, возможна и другая дата – 1929 год, указанная в машинописной копии документа под названием «Определение» от 2 января 1958 года: «Большинцова Любовь Давыдовна просит установить, что с 1929 г. она состояла в фактических брачных отношениях с <...> гражданином Сметанич-Стенич Валентином Осиповичем и проживала вместе с ним в городе Ленинграде, канал Грибоедова, 9, кв. 126...». Ср. надпись Стенича на титульном листе книги Дос Пассоса, вышедшей в его переводе: «Любе – моей дорогой девочке, которую я ужасно люблю, в память года, проведенного вместе, в память хороших и дурных дней, в память моей самой сильной любви. В. Стенич. 14 окт. 1931» [6]. М. В. Бутрим: «...к нему, нищему, она ушла от очень благополучной жизни – и в первый раз за свою жизнь гладила рубашки». Жили в «писательском» доме, на одном этаже с Зошенко, в двухкомнатной квартире.

Н. К. Чуковский вспоминает, что на последние годы жизни влюбчивого Стенича пришли другие отношения: «Тогда он уже догадывался, что его арестуют. Он ни в чем не был виноват, но одного за другим арестовали его друзей. <...> В это время начался у него роман с одной замужней женщиной. Она тоже ждала ареста, не потому, что была в чем-нибудь виновата, а потому, что арестовали уже

лась от нее, а его семья – от него. Чтобы иметь возможность жениться на Клавдии Ивановне, Давид Ильич принял православие.

³ Из письма Д. Л. Файнберга автору данной статьи, 23.03.2016. Дальнейшая информация от родных Л. Д. Большинцовой – также из переписки и телефонных разговоров с автором (март-октябрь 2016 года).

⁴ Фрагменты из «Улисса», переведенные Стеничем, были напечатаны в журналах в 1934–1935 годах [3; 4]. До этого, начиная с 1925 года, выходили отрывки из «Улисса» в других переводах [5].

⁵ См. о нем, например: *Успенский П. В. О. Стенич: биография, дендизм, тексты... // Наше наследие. Сайт журнала. Рубрика «Редакционный портфель».* Дата публикации – июль 2011. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/Sten00.php.

⁶ Впоследствии Любовь Давыдовна рассказывала племяннице, что Френкель вновь женился, а во время Великой Отечественной войны в эвакуации умер от голода, потому что отдавал всю еду своим детям.

всех вокруг нее. Вот это и был самый неистовый, самый бешеный из всех его романов. Ни он, ни она ничего не скрывали. Я благодарен ей, говорил он мне. Я заслоняюсь ею от страха» [7, с. 272–273]⁷.

Возможно, в период этого романа Стенич ушел из дома, что связано, однако, по воспоминаниям Д. Л. Файнберга, с иными обстоятельствами. В 1935 году, когда Давиду Людвиговичу было 3 года, бабушка привезла его из Харькова в Ленинград. Они жили тогда у сестры Любови Давыдовны, а когда он заболел скарлатиной, Любовь Давыдовна взяла его к себе, на канал Грибоедова. Стенич поставил условие: «Либо я, либо он». Она ответила: «Додик останется со мной», – и Стенич ушел. «Любаша вытащила меня с того света, а после выздоровления отправила к бабушке в Харьков», – рассказывает Д. Л. Файнберг. После его отъезда Стенич вернулся домой.

14 ноября 1937 года Валентин Осипович был в последний раз арестован и 21 сентября 1938 года расстрелян по ленинградскому «писательскому делу» вместе с Б. К. Лившицем, Ю. И. Юркуном и В. А. Зоргенфреем. Это называлось «10 лет без права переписки» – тогда еще родственники репрессированных не знали, что это значит.

По свидетельству М. В. Бутрим, после ареста Стенича «тетю Любу таскали, и довольно крепко»; чтобы спастись от гибели, она вышла замуж за своего давнего знакомого, приятеля Стенича и Зоценко – преуспевающего сценариста и кинорежиссера Мануэля Владимировича Большинцова. По словам Д. Л. Файнберга, «когда Стенича взяли, Большинцов тут же ушел из семьи и в недельный срок с нею расписался. И с ней уже ничего не могли сделать». М. В. Бутрим: «Когда ее вызвали в НКВД в последний раз, она уже была замужем, и ей сказали: “Ну, сучка, успела”»; «Дядя Моня был в нее очень влюблен, а тетя Люба, по-моему, всю жизнь любила Стенича».

Любовь Давыдовна периодически передавала в Большой дом 100 рублей для Стенича – такая сумма разрешалась. М. В. Бутрим: «Тетя Люба рассказывала, что деньги принимали в щель в окошечке – и окошко мгновенно захлопывалось, ударя по пальцам, чтобы она ничего не успела спросить».

Любовь Давыдовна и Мануэль Владимирович жили в той же квартире, из которой увели Стенича. Там Большинцов, один из сценаристов фильма «Великий гражданин»⁸, работал над его сценарием. Несколько членов творческой группы фильма за время съемок были репрессированы, несколько после выхода фильма на экраны получили Сталинскую премию. Большинцову премию не дали, но наградили его орденом «Знак Почета».

У Любови Давыдовны после ареста Стенича была депрессия, и, чтобы она пришла в себя, осенью 1938 года Большинцов повез ее в Гагры. По дороге, проезжая через Харьков, прямо на вокзале взял с собой Додика. Ближайшие годы, включая военные, он в основном провел с ними. И впоследствии большую часть времени племянник жил с Любовью Давыдовной. М. В. Бутрим жила в основном с мамой, но с Любовью Давыдовной была очень близка: «Мы всегда были для нее

⁷ Речь идет об А. А. Дикой, жене известного актера и режиссера А. Д. Дикого [8, с. 408].

⁸ «Великий гражданин» – двухсерийный художественный фильм (1937, 1939), в основу которого положена официальная версия судьбы С. М. Кирова (Киров был убит в 1934 году, работа над фильмом началась в 1935 году). Режиссер Ф. Эрмлер, авторы сценария М. Ю. Блейман, М. В. Большинцов, Ф. М. Эрмлер (сценарий дорабатывался при участии Сталина), композитор Д. Д. Шостакович. Премьера первой серии фильма состоялась в 1938 году, второй – в 1939-м. См. воспоминания о Большинцове: [9].

просто ее детьми». Мануэль Владимирович также относился к ним, как к родным. Д. Л. Файнберг:

Он был очень добрый. И порядочный. Я и Маша ему глубоко благодарны. Он мне предлагал взять фамилию Большинцов, но мне было стыдно почему-то перед школьными друзьями.

Перед войной, в марте 1941 года, Большинцова вызвали в Москву, там он создавал Сценарную студию. Любовь Давыдовна поехала с ним, остановились в гостинице. Из Москвы отправились в эвакуацию в Алма-Ату. Там, как и все «киношники», жили в гостинице «Дом Советов»⁹. Номер был двухкомнатный, в нем размещались, кроме Большинцова с Любовью Давыдовной, Додик с бабушкой и одно время – сын Мануэля Владимировича Юра, которого удалось эвакуировать из Ленинграда. Когда Юре исполнилось 16, он выдал себя за восемнадцатилетнего, поступил в военное училище, а оттуда пошел на фронт, где погиб в 1944 году.

Из Алма-Аты в конце 1943 года вернулись Москву, где первое время также жили в гостинице, а в начале 1944 года получили квартиру в Сокольниках. Ленинградскую же квартиру, в которой во время войны все было сожжено, вернули государству.

После взлета карьеры деятельного Большинцова последовал практически запрет на профессию: его отовсюду выгнали. Это произошло в 1949–1950 годах. По словам Д. Л. Файнберга, точная причина запрета неизвестна. Большинцов уехал вместе с Любовью Давыдовной в Тбилиси. Там он сотрудничал и дружил с режиссерами М. Э. Чиатурели, С. В. Долидзе и др. Там и умер в 1954 году на руках у жены.

Любовь Давыдовна вернулась в Москву. Ей предстояло прожить еще почти 30 лет.

В годы вдовства активизировалась ее переводческая деятельность. А началась она еще во время войны. В 1944 году вышел отдельным изданием киносценарий Л. Хеллман «Лисички» в переводе Большинцовой, тогда же была опубликована и переведенная ею одноименная пьеса. Пьесе долгое время ставили в театрах, что давало Любови Давыдовне некоторый доход. Она была автором субтитров к знаменитому немецкому «трофейному» фильму «Девушка моей мечты» (1944) и ряду других кинофильмов. Впоследствии Большинцова переводила пьесы М. Меттерлинка, Ж.-П. Сартра, Ж. Ануя, Б. Брехта и др., сценарии, рассказы, очерки, сказки многих авторов.

Не остывающий интерес к событиям в стране и мире, к литературе, общение с друзьями, помощь им¹⁰, жизнь большой семьи – все это составляло суть последних десятилетий. Но вот в дневниковой записи 1969 года Любовь Давыдовна призналась: «Есть ощущение безмерной усталости и чего-то, [что] с чудовищной быстротой каждый день, час уносит от тебя. Страшно это – жутко ощущать, что ни на что не осталось времени».

«Похороните меня в Тбилиси в могиле Большинцова, но обязательно положите фотографию Стенича», – говорила она. Так родные в свой час и поступили.

Замечательный портрет Любви Давыдовны принадлежит А. Г. Найману:

Вдова, прелестная, хрупкая, «фарфоровая» («Любочка была фарфоровая» – так Ахматова описывала ее), избалованная, оказалась еще и выносливой, терпеливой,

⁹ О жизни кинематографистов в эвакуации см., например: [10, с. 171–186].

¹⁰ Так, Д. Л. Файнберг вспоминает, что Любовь Давыдовна временно прописала в своей квартире вернувшегося из лагеря кинодраматурга А. Я. Каплера.

Л. Д. Большинцова (1949 год)

работящей <...> Ее литературная одаренность была частью одаренности общей, непреднамеренно проявлявшейся в поведении, в повседневности, а эстетический вкус, привитый еще в родительской семье, был отточен в замужестве и в дружеском общении с замечательными артистами и писателями. Она знала несколько языков и стала зарабатывать на жизнь переводами американских, английских, французских пьес и рассказов, не гнушалась литературной поденщиной и при всем том оставалась анекдотически неделовой. На пенсию вышла ничтожную, но ухитрялась ездить на такси и до последних лет жизни одевалась в парижские платья. При этом говорила: «Я умру, и никто не узнает, какой у меня был вкус; потому что мы носим только то, что можно было достать – что кто-то привозил и продавал». Всю жизнь ее не оставлял страх: обыска, ареста – не конкретных за что-то, а роковых, на роду написанных; и всю жизнь она этот страх побеждала – гордостью, готовностью к худшему, наконец, беззаботным нравом. Как-то раз в поверхностном веселом разговоре я спросил Ахматову, куда девались нежные, неумелые, притягательные своей беспомощностью женщины, те самые – женский пол. «А слабые все погибли, – сказала она, сразу отбросив легкомысленный тон. Выжили только крепкие».

Тогда я считал, что эти шестидесяти-семидесятилетние женщины – естественная константа любого общества, что такие пожилые дамы и такие старухи, измученные, но не ожесточенные, исстрадавшиеся, но не отчаявшиеся, с бескровными лицами, скорбными глазами, но самоотверженные, прощающие, идущие навстречу, были всегда и всегда будут. Оказалось, что это последние экземпляры вымирающего племени. Любовь Давыдовна Большинцова-Стенич сказала мне, когда умер Чаплин: «Я была рядовой той армии, которой он был генералом». Какая сейчас старуха может сказать про какую армию и про себя подобное [11, с. 59].

Любовь Давыдовна сохранила большой архив. Не со времен Стенича – тогда, по словам Д. Л. Файнберга, сотрудники НКВД забрали все, включая уникальную библиотеку Валентина Осиповича, в которой было множество книг с автографами писателей; уцелела лишь спрятанная Любовью Давыдовной книга Дос Пассоса с дарственной надписью мужа, о которой уже шла речь¹¹. В сохранившемся архиве – обращения к властям писателей и деятелей кино в защиту Стенича¹², его либретто к «Пиковой даме» В. Э. Мейерхольда, восстановленная впоследствии Большинцовой библиография его работ, документы, показывающие ее борьбу за его реабилитацию, сведения о создании комиссии по его литературному наследию и т. п.; документы, касающиеся Большинцова; автографы ее друзей и добрых знакомых, среди которых были С. Т. Рихтер, Н. Л. Дорлиак, М. М. Зощенко, Ф. Г. Раневская, Л. К. Чуковская, М. С. Петровых, Г. М. Козинцев, Н. К. Черкасов, Ю. П. Герман и др. Отдельный «архив в архиве» составляют ахматовские рукописи, книги и фотографии с дарственными надписями, телеграммы, открытки, а также листочки, на которых рукой Большинцовой записаны ахматовские высказывания или строки, и немногочисленные дневниковые записи Любви Давыдовны об Ахматовой¹³.

Любовь Давыдовна познакомилась с Ахматовой, по-видимому, в конце 1920-х годов, однако свидетельства их общения относятся к более позднему времени. Возможно, первые из них принадлежат Н. Я. Мандельштам и Н. К. Чуковскому, они относятся к осени 1937 года – тогда Ахматова побывала в гостях у Стеничей [14, с. 467]. Н. Я. Мандельштам:

Мы провели в Ленинграде два дня. Ночевали у Пуниных, где все старались развеселить О. М. <...> Вечером сидели за столом, чокались и разговаривали. Все понимали, перед чем мы стоим, но не хотелось губить последние минуты жизни. <...> Днем мы пошли к Стеничу. <...> Стенич встретил О. М. объятиями. О. М. рассказал, зачем мы приехали. Стенич вздохнул, что большинство писателей в разезде, но кое-кто живет на даче. Это, естественно, затрудняло сбор денег. Его успокоила жена – Люба. Она обещала поехать в Сестрорецк и сразу после обеда, надев кокетливую шляпку, отправилась в путь. Стенич куда-то нас не отпустил, и мы у него

¹¹ Отдельные тома из библиотеки Стенича сейчас находятся в США, в библиотеке Калифорнийского университета Беркли и в архиве Гуверовского института. Благодарю за эти сведения А. Б. Устинова и И. Е. Ложилова. Д. Л. Файнберг: «НКВД продал весь архив Стенича за границу – кто-то сказал об этом Любе».

¹² Копия письма к властям М. Зощенко с просьбой о пересмотре дела и освобождении Стенича (25 апреля 1940 года), к письму присоединился также В. Катаев (26 апреля 1940 года) (оригинал письма передан Большинцовой в РГАЛИ, ф. 2351, оп. 1, ед. хр. 173а); копия заявления к властям М. Зощенко, М. Блеймана, С. Эйзенштейна и Н. Черкасова с просьбой о пересмотре дела Стенича и «возможном смягчении его участи» (<апрель 1940 г.>; оригинал в РГАЛИ, ф. 2351, оп. 1, ед. хр. 173б).

¹³ Ахматовские материалы хранятся у Д. Л. Файнберга. Их копии предоставлены автору данной публикации и подарены Музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, в музее находится также аудиозапись голоса Ахматовой, читающей свои стихи 23 июня 1965 года, и аудиокассета с воспоминаниями Д. Л. Файнберга и М. В. Бутрим о Большинцовой и Ахматовой. Фрагменты дневника Большинцовой см. в статье: [12]; а также в изд.: [13, т. 1, с. 112; т. 2, с. 372–373, с. 457]. Целиком дневниковые записи Большинцовой автор этой статьи планирует опубликовать в издании: «Голоса старых друзей. Анна Ахматова и Надежда Мандельштам. Воспоминания. Переписка. Материалы к биографии». Сборник готовит Мандельштамовское общество совместно с Фонтанным Домом, он предполагается к выпуску в издательстве «Алетейя».

Л. Д. Большинцова и А. А. Ахматова. 23 июня 1965 года
(Москва, квартира Л. Д. Большинцовой. Фото Д. Л. Файнберга)

дождались возвращения Любы. К нему приходили люди повидать нас, среди них Анна Андреевна <...> Люба вернулась с добычей – немного денег и куча одежды. <...> Советские писатели вообще, по моим наблюдениям, народ крепкий, но при Любе, жене Стенича, было бы непросто отказаться помочь ссыльному... <...>

Стенич ждал судьбы. Он боялся за Любу: что с ней будет, если она останется одна? Вечером зазвонил телефон. Люба сняла трубку. Никто не отозвался, и она заплакала. Все мы знали, что иногда таким образом проверяют, прежде чем ехать с ордером, дома ли хозяин. В тот вечер Стенича не взяли. <...> В следующий наш приезд в Ленинград Стенича уже не было...» [8, с. 406–408]¹⁴.

¹⁴ Ср. воспоминания Н. К. Чуковского: «Днем мне позвонил мой друг Стенич и попросил вечером прийти к нему. Жил он тогда на Канале Грибоедова, 9, в маленькой двухкомнатной квартирке. Там я застал кроме Стенича и его жены Мандельштама с Надеждой Яковлевной и Анну Андреевну Ахматову. <...> Поначалу Мандельштам был молчалив и угрюм, да и все молчали. Стенич сделал попытку почитать стихи из только что вышедшей “Второй книги стихов” Заболоцкого; он читал, восхищаясь, но Ахматова слушала сдержанно, а Мандельштам, со свойственной ему прямоотой, сказал, что ему не нравятся ни прежние стихи Заболоцкого, ни новые. Он стал просить Анну Андреевну почитать что-нибудь. Она неохотно и без подъема прочла “Мне от бабушки-татарки были редкостью подарки” – стихотворение, которое мы все хорошо знали. Хозяева повели нас в соседнюю комнату к столу. Стол был не роскошен, но на нем стояло несколько бутылок красного вина. Выпив вина, Мандельштам оживился. Мы попросили его почитать стихи, и он читал много, увлеченно, всю угрюмую ленинградскую ночь напролет, все больше и больше одушевляясь. <...> На другой день он уехал. Через неделю Стенич был арестован. Потом был арестован и Мандельштам. Оба погибли» [15, с. 189–190].

В архиве Любви Давыдовны есть инскрипт Ахматовой на шмуцтителе ее сборника 1940 года «Из шести книг»: «Милой Любви Давыдовне дружески А. Ахматова. 17 июня 1940».

Следующее свидетельство, указывающее уже не только на знакомство, но и на дружбу Любви Давыдовны с Анной Андреевной, относится ко времени пребывания Ахматовой в эвакуации в Ташкенте. Это дневниковая запись Чуковской от 28 июня 1942 года: «NN¹⁵ сказала мне, что Люба Стенич очень зовёт в Алма-Ата...» [2, т. 1, с. 468]. В годы войны Большинцов в Алма-Ате возглавлял Сценарную студию, что обеспечивало семье относительный достаток, и Любовь Давыдовна, по-видимому, хотела помочь Ахматовой.

К 15 октября 1954 года относится письмо Большинцовой к Ахматовой с приглашением пожить у нее в Сокольниках (ул. Короленко, д. 7, кв. 114): «В квартире у меня тепло, светло и много простору. Я бы так за Вами ухаживала, дорогая. Не мешала бы Вам. Все дело только в пятом этаже»¹⁶. И, судя по записям Чуковской, в июне 1955 года Ахматова на короткое время остановилась у Любви Давыдовны [2, т. 2, с. 136]. В последующие годы она не раз жила в этом гостеприимном доме, где, по словам Д. Л. Файнберга, «не было суеты»: Любовь Давыдовна уступала ей свою, самую большую в трехкомнатной квартире, комнату, а сама перебиралась к матери в маленькую; средняя комната принадлежала семье Давида Людвиговича; на кухне жила домработница. Но все же Анна Андреевна предпочитала останавливаться у Ардовых и у некоторых других друзей, поскольку на ул. Короленко не было лифта: «...раз поднявшись, Ахматова на весь срок гостевания оставалась заточенной в квартире, – пишет А. Г. Найман [12, с. 60].

В ее комнате было широкое и высокое, почти во всю стену, окно, красивая старая мебель, большое овальное зеркало, очаровательная картина маслом: народ, в сумерках расходящийся из церкви с зажженными свечками и вербой в руках [11, с. 60].

...передняя <комната> – и гостиная, и спальня одновременно – были украшены пейзажем Шухаева («своего» – лагерника) и карандашным портретом Анны Андреевны.

– Аня не помнила автора, когда мне его подарила [17]¹⁷.

Атмосфера дома была близка Ахматовой. Картина со столь нетипичным для советского времени религиозным сюжетом – знак того, что Любовь Давыдовна была верующей (М. В. Бутрим помнит, как «тетя Люба» в детстве как-то привела ее, маленькую, в церковь. Все три сестры Фейнберг были крещены и всех отпели).

Любовь Давыдовна действительно, как и обещала в письме, ухаживала за Ахматовой. М. В. Бутрим: «Она была очень преданной в дружбе. По ночам переводила, а когда у нее жила Ахматова, уже в восемь утра была на ногах». Не раз Любовь Давыдовна ухаживала за Ахматовой и в Комарово, живя с ней то в «Будке», то в Доме творчества писателей.

«Очаровательная даже в старости» [17], она всегда оставалась настоящей женщиной. Характерна такая запись Чуковской: «...пришла Любочка Стенич,

¹⁵ NN – так в это время Чуковская шифровала имя Ахматовой.

¹⁶ РНБ. Ф. 1073. № 746. Л. 1. Цит. по: [16, с. 474].

¹⁷ По-видимому, имеется в виду один из карандашных портретов Ахматовой работы М. Лянглебена (декабрь 1963 года, Москва) – он хранится в архиве Большинцовой. О Лянглебене см.: [18]. См. также: *Лянглебен М.* Как я рисовал Ахматову. 1992. Авторская рукопись (ксерокопия). Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 40.

сооружающая новое платье, – Анна Андреевна совершенно раздета» [2, т. 2, с. 484]. Подобные ситуации бывали неоднократно [2, т. 3, с. 230, 291]. В записной книжке Ахматовой есть помета, сделанная, вероятно, в октябре 1965 года: «Крем у Любочки» [19, с. 654]. Смысл пометы, по-видимому, проясняют воспоминания А. А. Саакянц: однажды Любовь Давыдовна «задумала приготовить крем для лица (из меда, сливок и чего-то еще); помню, как она священнодействовала, а Анна Андреевна с величайшим любопытством наблюдала, роняя редкие, но весомые реплики знатока» [20, с. 385].

Но Ахматову объединяло с Любовью Давыдовной отнюдь не только «женское». В записных книжках «Любочка» упоминается в списках тех, кому надо дать «Реквием» и «Поэму без героя». Тем же октябрём, к которому относится запись о креме, помечен в записных книжках черновик дарственной надписи: «Моей милой Любочке – одной из давних читательниц этих стихов за ее чистую любовь к искусству» [19, с. 680].

Большинцова была причастна к публикации в США произведений Ахматовой, Мандельштама, Хлебникова, Бродского. По свидетельству М. В. Бутрим, рукописи передавались через приятельницу Любови Давыдовны Евгению Максимовну Клебанову, которая жила в Америке и в 1960-е годы несколько раз приезжала в Россию¹⁸. Все это было связано с серьезным риском. М. В. Бутрим вспоминает: однажды она вместе с Любовью Давыдовной пришла к Клебановой в гостиницу «Националь», чтобы передать стихи Бродского. Разговаривать в гостинице об этом было нельзя, так что беседа велась самая невинная. Чтобы перевезти рукописи через границу, Клебанова положила их к себе в корсет. Стихи удалось издать. Но как только они были опубликованы, начались неприятности: «Сначала приходил водопроводчик, потом слесарь, потом приходили вообще “в штатском”». Но у тети Любы же ничего не было. Однако задавались какие-то вопросы, без конца ходили люди под окнами. Перепуганы мы все были страшно». Через год Клебанова приехала еще раз, и таким же образом вывезла одну из редакций ахматовской «Поэмы без героя».

Ахматовский архив Большинцовой говорит о высокой степени доверия к ней со стороны поэта. Д. Л. Файнберг: «Знаете, почему Любовь Давыдовна была многими уважаема? В мире искусства людей, которые держат слово, преданы кому-то, почти не бывает». Ее преданность зеркально отражена в одном из многих автографов Ахматовой на подаренных Любови Давыдовне фотографиях: «Милому другу Любе от ее верной Ахматовой 27 окт. 1963 Москва».

Заканчивая, приведу фрагмент из устных воспоминаний Р. Д. Тименчика:

... Анна Андреевна ее любила, очень любила <...> И я ее знал. И смею сказать: мы дружили. Она была очень щедра в дружбе. Она была легкая, веселая, остроумная, иногда очень язвительная. Страшная путаница. Путала все на свете. <...> Жена Клебанова <...> после смерти Анны Андреевны <...> напечатала очерк о своих посещениях Ахматовой. Напечатала под псевдонимом. Назвала себя Ниной, а Любочку, Любовь Давыдовну, назвала Владимиром. Но этот Владимир так смешно описан со всеми его путаницами, со способностью проехать остановку в электричке комаровскую, ну, и вообще с постоянными такими qui pro quo¹⁹ в быту и в воспомина-

¹⁸ См. об этом также: [13, т. 1, с. 202–204, 272–274; т. 2, с. 100, 552]. См. воспоминания Е. М. Клебановой об Ахматовой, опубликованные под псевдонимом «Н-ко Н.»: [21] (атрибуция Р. Д. Тименчика в: [13, т. 1, с. 202; т. 2, с. 302]). Тексты поэтов публиковались в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути».

¹⁹ Qui pro quo (лат.) – квипрокво, путаница, возникшая в результате того, что одно лицо, вещь, понятие принято за другое.

ниях, что становится понятно, что это никакой не Владимир, а это неповторимая, незабвенная Любочка Большинцова²⁰.

Список литературы

1. Ардов М. Вокруг Ордынки // Ардов М. Вокруг Ордынки. Мемуары, повести. СПб.: Инапресс, 2000. С. 5–140.
2. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Согласие, 1997.
3. Джойс Дж. Похороны Патрика Дигнэма: Отрывок из «Улисса» [эпизод 6] / Пер. В. Стенича; коммент. Р. Миллер-Будницкой // Звезда. 1934. № 11. С. 116–137.
4. Джойс Дж. Утро м-ра Блума: Глава из «Улисса» [эпизоды 4, 5] / Пер. В. Стенича; предисл. Д. Мирского // Литературный современник. 1935. № 5. С. 136–159.
5. Гениева Е. Джеймс Джойс в русских переводах и критике // «Русская одиссея» Джеймса Джойса / Сост. Е. Ю. Гениева, Ю. А. Рознатовская. М.: Рудомино, 2005. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/russkaya-odissey-a-jeymsa-dzhoysa-70.htm>.
6. Дос Пассос Д. 42-я параллель. Л.; М.: Худож. лит., 1931.
7. Чуковский Н. К. Милый демон моей юности // Чуковский Н. К. О том, что видел: Воспоминания. Письма. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 236–273.
8. Мандельштам Н. Воспоминания // Мандельштам Н. Собр. соч.: В 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО при участии Мандельштамовского общества, 2014. Т. 1. С. 79–282.
9. Блейман М. Ковбой в очках // Жизнь в кино. Ветераны о себе и своих товарищах. М.: Искусство, 1971.
10. Громова Н. А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002.
11. Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 2008.
12. Иванова-Гладильщикова Н. Поза Модильяни, лицо Тышлера. Непубликованные воспоминания Любви Большинцовой об Анне Ахматовой // Известия. 2002. 22 июня. С. 8.
13. Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е гг.: В 2 т. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2015.
14. Даты жизни и творчества [О. Мандельштама] / Сост. П. М. Нерлера // Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. Т. 4. С. 428–471.
15. Чуковский Н. К. О Мандельштаме // Чуковский Н. К. О том, что видел: Воспоминания. Письма. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 165–190.
16. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Индрик, 2008.
17. Григорьянц С. Трагедия Николая Харджиева // Электронный ресурс «Сергей Григорьянц». URL: <http://grigoryants.ru/podvodya-itogi/xardzhiev/>.
18. Никифорович В. Он рисовал Анну Ахматову // Вестник. Чикаго, 2001. 27 февр. № 5 (264). URL: www.vestnik.com/issues/2001/0227/koi/nikiforovich.htm.
19. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). Москва; Турин: Giulio Einaudi editore, 1996.

²⁰ Из интервью М. Пешковой с Р. Тименчиком от 11 января 2015 года. Передача «Непрошедшее время» на радио «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/programs/time/1471246-echo/>.

Биографический факт и литературный сюжет

20. Саакянц А. А. Анна Ахматова – несколько встреч // Саакянц А. А. Спасибо Вам! Воспоминания. Письма. Эссе. М.: Эллис Лак, 1998.

21. Н-ко Н. [Клебанова Е. М.] Мои встречи с Анной Ахматовой // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1966. 13 марта.

О. Е. Rubinchik

Saint Petersburg, Russian Federation

**«A SOLDIER IN THE ARMY» BY CHARLIE CHAPLIN:
ABOUT LUBOV DAVYDOVNA BOLSHINTSOVA**

For the first time this article describes the translator Lubov Bolshintsova (maiden name Feinberg, 1903–1983), wife of the famous translator and poetry expert, Stenich Valentine, who was executed in 1938, and then the wife of screenwriter Manuel Bolshintsov. When Charlie Chaplin died, Lubov Davydovna had the right to say of herself: «I was a soldier in the army, of which he was general» (testimony of A. G. Naiman). She has an extraordinary personality with an extraordinary destiny. She translated into Russian the plays of L. Hellman, M. Maeterlinck, J. P. Sartre, J. Anouilh, Brecht, and others. The second half of the article is devoted to the long-term friendship of Bolshintsova and Anna Akhmatova. This text contains some unknown documents from Bolshintsova's archive and verbal testimonies.

Keywords: Lubov Bolshintsova, Valentine Stenich, Manuel Bolshintsov, Anna Akhmatova, the stalinist repression, translation, drama.

Rubinchik Olga E. – Candidate of Philology, Associate Professor of Graduate School of Print and Media Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design (13 Dzhambal Lane, Saint Petersburg, 191180, Russian Federation, rubinchik_olga@mail.ru)